

Т. А. ПРОТАСОВ

редактор

*Объединенная редакция научных журналов
«Вестник Тюменского государственного университета»*

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ВОЗМОЖНЫХ (ТЕКСТОВЫХ) МИРОВ В ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
А. Н. и Б. Н. СТРУГАЦКИХ «ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ»)**

Аннотация. Информационное моделирование окружающего пространства (мира) в сознании человека (а также в художественных текстах) входит в проблематику философской и когнитивной области знаний. В когнитивной лингвистике эта проблема изучается в рамках исследования пространственных отношений и типов концептуализации движения в языке с точки зрения процессов, происходящих в человеческом сознании. Для этого используются специальные ментальные конструкты: возможные миры (Л. Долежел, М.-Л. Райан и др.), ментальные миры (Ж. Фоконье, М. Тернер) и в настоящее время — текстовые миры (П. Верт, Дж. Гэвинз, П. Стоквелл и др.).

Особый интерес в этом плане представляет научная фантастика, поскольку в ней создаются вымышленные, альтернативные миры, намеренно непохожие (хоть и все равно понятные) на действительный мир. Это создает эффект «отчужденности», что (помимо того, что является особенностью жанра научной фантастики, собственно и притягивающей большинство читателей) подчеркивает мирозидательные особенности текстов данного жанра и может пролить свет на процесс создания упомянутых ментальных конструкций.

Настоящая работа исследует лингвокогнитивные аспекты моделирования виртуальных миров в текстах Стругацких, исходя из исходной посылки о виртуальности литературной реальности как таковой. Основной интерес уделяется авторским методам миромоделирования и структурному многообразию текстовых миров произведения, которое образует единую систему авторского многомирия произведения.

Ключевые слова: лингвокогнитивное моделирование, текстовые миры, возможные миры, научная фантастика, Стругацкие.

Пространство (и мир в целом) — предмет исследования ряда наук, включающих философию (которое исследует пространство

как свойство бытия), естественные науки (где есть пустое пространство Ньютона; пространство как система отношений у Лейбница; единство пр-ва и времени в теории относительности), а также лингвистику. В последней ученые обычно имеют дело с более абстрактным пространством, появляющимся в результате метафоризации и абстракции реального, физического места. Тем не менее, лингвистическое пространство все равно наследует свойства пространства из первых двух упомянутых областей знаний.

В. Н. Топоров называл такое пространство «мифопоэтическим» [Топоров 1983, 229] и определял у него следующие особенности:

- 1) пространство объективировано и материализовано;
- 2) пространство внешне к субъекту (оно описывает все то, что находится вокруг нас);
- 3) пространство неразрывно связано с вещественным наполнением (т. е. пространство составляет то, что находится в нем);
- 4) единство места и времени (т. е. пространство — это «здесь и сейчас»; соотносится с идеей М. М. Бахтина о хронотопе).

Пространство в языке предстает в виде достаточно сложной структуры, как это отмечают и другие лингвисты — в их числе и Е. С. Кубрякова [2004]; она указывала на неразрывную связь пространства с предметами, которые занимали конкретное место внутри него (Рис. 1).

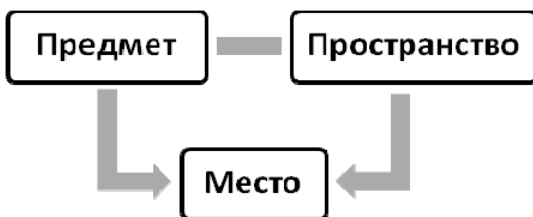

Рис. 1. Единство места, пространства и предмета (Е. С. Кубрякова)

При этом в лингвистике пространство все равно изучается не само по себе, а в связи с текстом (как «пространство — текст»; с фокусом на последнем). В таком случае возможны 3 типа отношений между ними [Максимова 2012, 97]:

1) текст как вместительное художественное пространство (которое, в свою очередь, является описанием физического пространства);

2) текст — само пространство (пространство листа книги, например);

3) текст порождает пространство (в случае с языковой картиной мира).

В связи с этим Топоров приводит понятие «пространство восприятия» (*Anschauungsraum*), которое представляет собой эквивалент реального пространства в *непространственном* (на этом особый акцент) сознании человека [Топоров 1983, 227]. При этом, несмотря на непространственный характер «пространства восприятия», за него, как и за реальное пространство, отвечают одни и те же области мозга [Chatterjee 2001], что позволяет уравнивать эти два типа пространства в субъективном ощущении человека.

Для моделирования пространства в человеческом восприятии обычно используются дейктико-референтивные сигналы, которые описывают место и позицию говорящего в пространстве и времени (например, локативы и темпоративы). Самые базовые из них (на наш взгляд) описаны в теории дейктического сдвига [McIntyre 2006], которая рассказывает о дейктическом перецентрировании читателя в пространство, описываемое в тексте пятью дейктическими категориями (Рис. 2).

Рис. 2. Дейктическое перецентрирование (МакИнтайр и др.)

Из них особенно важен эмпатический дейксис, поскольку является своего рода мотивацией для читателя участвовать в дейктическом перецентрировании, которое является сознательным когнитивным процессом [Whiteley 2011].

Пространство внутри текста — самая популярная (если можно так сказать) тема для изучения в проблеме рассмотрения диадемы «пространство–текст». Художественным пространством интересовались многие ученые, включая М. М. Бахтина (1975), Д. С. Лихачева (1983), Ю. М. Лотмана (1970), В. П. Руднева (1996), А. Ф. Папину (2002), З. Я. Тураеву (1986) и Б. А. Успенского (1995). В их работах художественное пространство отражала реальное, а также было важным элементом структуры художественного текста, выполняющего «особую моделирующую роль» [Лотман 1970].

Для исследования (и, немаловажно, понимания) пространства в тексте в лингвистике использовались различные подходы. Среди них:

1. Концептуальное смешение (Conceptual Blending) Ж. Фоконье и М. Тернера (G. Fauconnier, M. Turner; 1993, 1998) с их многопространственной моделью (many-space model).

2. Теория возможных миров (Possible Worlds Theory) М.-Л. Райан [Ryan 1991].

3. Концепт ментального пространства [Степанов 1997].

4. Теория текстовых миров (Text World Theory) П. Верта [Werth 1999], продолженная и развитая в работах Дж. Гэвинз, М. Шорга, П. Стоквелла [Stockwell 2000] и др.

Последняя теория, как более поздняя, вобрала в себя основные идеи предыдущих и используется большинством лингвистов-когнитологов. Согласно данной теории, в тексте (который существует в реальном мире — мире дискурса — наряду с автором и читателями) моделируется пространство (или даже целый мир) со своими объектами и персонажами (текстовый мир). Последние, в свою очередь, также могут создавать текст (отрывки прямой и/или внутренней речи), в котором по аналогии моделируется пространство следующего подуровня (подмиры), и т. д. При этом читатель способен осознавать и различать все эти уровни пространства в тексте, как полагают авторы теории текстовых миров.

Пространство в научной фантастике, в отличие от других литературных жанров, обычно отличается от физического пространства, поскольку там создаются уникальные новые миры, непохожие на мир вокруг читателей [Stockwell 2000: 104]. За счет этого читатель меньше полагается на свои знания о внешнем мире и больше на информацию о мире и пространстве из текста, пытаясь представить описываемое пространство.

Роман А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров» был написан в 1971 г. и рассказывает о приключениях землянина Максима Камеррера в XXII в. на планете Саракш, населенной гуманоидными инопланетянами (внешне неотличимыми от людей). Одни только топонимы и нарицательные названия различных мест в тексте образуют довольно обширную карту (Таблица 1).

Текст романа по своему типу [Гальперин 1981] представляет повествование с элементами описания. Авторское рассуждение в тексте отсутствует, зато присутствуют отрывки прямой, внутренней и несобственнопрямой речи персонажей (выделялись по [Кухаренко 1988]). Основываясь на этой информации, в тексте произведения были выделены внешние и внутренние миры.

Первые находились в авторской речи: описании и повествовании. Из описания строятся внешние миры, а повествование осуществляет переходы между ними. Решающую роль в их создании играют дейктические категории места, времени и персонажей; дополнительно в некоторых случаях присутствует социальный дейксис. В результате анализа были выделены 31 внешний мир различного уровня (от космонимов до интерьеров отдельных помещений).

В зависимости от типов описания (природные пейзажи, городские пейзажи, описания интерьеров; портреты в описании пространства роли не играли [Кухаренко 1988]) все эти внешние миры были подразделены на 3 группы. Первую из них, самую малочисленную, составили природные пейзажи (4 текстовых мира); вторую — городские пейзажи (8); последняя, самая многочисленная группа (интерьеры), включает 28 текстовых миров.

Названия мест в романе «Обитаемый остров»

<i>Планеты</i>	<i>Земля</i>	<i>Пандора</i>	<i>Сараки</i>
Страны		—	Страна неизвестных отцов Хонти Пандея Островная империя Южные территории
Населенные пункты	Ленинград	—	Столица деревня мутантов
Внутри населенных пунктов		—	Департамент пропаганды Кафе Дом Гаалов армейская часть в пределах столицы Центральный театр канал Новой Жизни ул. Заводская Департамент специальных исследований место встреч Неизвестных Отцов
Вне населенных пунктов	Карельский перешеек	—	лес (место приземления Максима) дом (место встречи с местными жителями) армейская часть рядом с лесом побережье 200 км от хонтийской границы

Преобладание городских пейзажей над природными, а также то, как они описаны, создает неблагоприятную картину мира произведения, где большая часть планеты Саракша либо разрушена, либо вовлечена в войну.

Внешние миры в «Обитаемом острове» линейно сменяют друг друга согласно фабуле произведения (без примеров ретро- и проспекций) и максимально объективны (поскольку не содержат эмпатического дейксиса).

Внутренние миры произведения строятся из прямой, внутренней и несобственнопрямой речи персонажей. Два последних типа встречаются в речи троих персонажей в данном произведении: Максима (главного героя), Гая Гаала и Умника. Речь остальных персонажей содержит только примеры прямой речи, что объясняет малое число их внутренних миров в произведении.

Это дает 4 группы подмиров: 1) внутренние миры Максима Каммерера (26 подмиров); 2) внутренние миры Гая Гаала (15); 3) внутренние миры Умника (12) и 4) внутренние миры остальных персонажей (в сумме 17). Все эти миры содержат примеры ретроспекций, а также богаты эмпатическими дейктико-референтивными сигналами, что отражает субъективное мнение персонажей.

Таким образом, перед читателем предстает сложная многоуровневая картина увязшего в войне индустриального мира, основное действие в котором происходит в пространствах микроуровня (интерьерах). Время в этом мире подчиняется основным физическим законам: оно линейно и последовательно. «Перемещения» во времени возможны только во внутренних мирах персонажей (причем только назад), что оформлено в виде их воспоминаний. Также, за счет присутствующего эмпатического дейксиса, внутренние миры раскрывают субъективное ощущение персонажей в романе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Максимова, Н. Г. К проблеме зависимости пространства и текста / Н. Г. Максимова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 5 (259).
3. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1997.
4. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. — 1983. — С. 227-284.
5. Chatterjee, A. Language and space: Some interactions / A. Chatterjee // Trends in Cognitive Sciences. — 2001. — Т. 5, № 2. — С. 55-61.

6. McIntyre, D. Point of view in plays: A cognitive stylistic approach to view-point in drama and other text-types / D. McIntyre. John Benjamins Publishing, 2006. — Т. 3.
7. Ryan, M. L. Possible worlds, artificial intelligence, and narrative theory / M. L. Ryan. — Indiana University Press, 1991.
8. Werth, P. Text worlds: Representing conceptual space in discourse / P. Werth. — Prentice Hall, 1999.
9. Whiteley, S. Text world theory, real readers and emotional responses to *The Remains of the Day* / S. Whiteley // Language and Literature. — 2011. — Т. 20, № 1. — С. 23-42.

А. Н. СТЕПАНОВА

студентка группы 27Ф1501

*Институт социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»*

МНОЖЕСТВЕННАЯ МОТИВАЦИЯ И ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ НОВООБРАЗОВАНИЙ С. БИРЮКОВА

Аннотация. В текстах современных российских поэтов активно используются окказиональные лексемы, обеспечивающие тексту многозначность и глубину. Словообразовательные и морфологические новации в стихотворениях нередко характеризуются полисемантической и множественной мотивацией, что способствует приращению смыслов. В данном аспекте интересно творчество С. Бирюкова, так как в его стихотворениях использование многозначных окказионализмов приобретает статус художественного приема, создавая возможность для множественной интерпретации поэтического текста.

Ключевые слова: окказионализм, словообразование, полисемантическая, множественная мотивация, интерпретация

Одна из магистральных тенденций современной поэзии связана «с установкой на эксперимент, критическим отношением к языковой норме» [Зубова 2000, 3]. Среди поэтов, ориентированных на языковые поиски, Л. В. Зубова называет Г. Сапгира, Г. Айги, В. Соснору, М. Еремина, Д. Пригова, С. Бирюкова [Зубова 2000, 3].